

ФОРМЫ ОБЩИННОГО ВЛАДЕНИЯ НА АЛТАЕ¹

Доложено в заседании Московского Юридического общества
29 ноября 1893 г.

I

Алтайский горный округ, составляющий в настоящее время центр переселенческого движения в Сибирь, должен быть отнесен к числу наиболее многоземельных районов нашего отечества, в чем легко убедиться из следующих немногих цифр.

Общее количество земель, находящихся в пользовании крестьянских и горнозаводских селений, определяется приблизительно в 13 015 850 десятин, из которых до 7 489 690 дес. относятся к разряду удобных. Говорим «приблизительно», потому что, во-первых, в округе есть селения, еще не имеющие земельного отвода, хотя и пользующиеся землей, а, во-вторых, потому что с начала [18]80-х годов, к которым относятся приведенные цифры, образовалось несколько новых заселков, получивших землю из, так называемых, «пустолежащих» пространств. Весьма вероятно поэтому, что количество удобных земель, фактически находящихся в распоряжении местных крестьян и крестьян-переселенцев, а также горнозаводского населения, нужно считать за 8 миллионов десятин. Но возьмем для расчетов первую цифру. Число «годных работников», т. е. лиц мужского пола в возрасте от 18 до 57 лет, в тот период времени считалось около 119 628 чел., следовательно, среднее земельное довольствие на работника выразится в 62,5 десятины. Для отдельных уездов, входящих в состав округа, эта цифра изменяется в такой последовательности: для Бийского – 44,1 дес.; Барнаульско-

¹ Помимо различных официальных и частных изданий, посвященных Алтаю, при настоящей работе мы пользовались следующими источниками, доставившими нам главнейший материал: решениями третейских и волостных судов, охватывающими 34 волости, за период времени от [18]40-го до [18]85-го г., т. е. свыше сорока пяти лет; значительным количеством мирских приговоров, составлявшихся по разнообразным поводам, преимущественно во второй половине [18]40-х и в [18]50-х годах нашего столетия; решениями различных учреждений по крестьянским делам – мировых посредников, чиновников по крестьянским делам и т. д., за [18]60-е и [18]70-е годы. Проверкой и дополнением этих материалов нам служили личные наблюдения, а также подробное местное исследование общинных форм в пяти южных волостях Алтайского округа.

го – 65,4; Кузнецкого – 71,5 и, наконец, для пяти волостей Томского – 106,1 [дес.].

Как ни красноречивы эти цифры сами по себе, но в сущности и они еще не вполне точно обрисовывают истинное положение дела, так как в большинстве случаев количество удобных земель, находящихся в крестьянских дачах, значительно выше тех цифр, которые выводятся на основании межевых работ начала текущего столетия¹. Некоторые факты, обнаружившиеся в последние 15-20 лет, неопровержимо доказали это. Не будем подробно останавливаться на этой стороне дела и ограничимся двумя-тремя наиболее крупными фактами.

Имея основание сомневаться в точности официальных данных о размерах земельного довольствия казачьих поселков на Алтае, генерал-губернатор Казнаков распорядился о производстве поверочных работ, которые дали бы точные цифры количества земельных угодий, находящихся в пользовании у казаков, так называемой Бийской линии. Казачья межевая партия произвела измерение в 1876 г., причем оказалось большое несходство данных межевания 1816-[18]30 гг. с тем, что было в натуре. Так, например, в заселке Антоньевском, вместо 12 429 десятин, оказалось 21 829; в Тигирецком – 17 538 десят[ин] вместо 9 600 и т. д. Подобные же результаты дала и более поздняя проверка собственно вычислений количества удобных земель в крестьянских селениях округа, значащихся в разряде малоземельных, т. е. имеющих менее 15 дес. на душу.

Из 75 селений этого рода только в 14 удобной земли на душу приходилось, действительно, менее нормы, во всех же остальных значительно более, а в некоторых из них обнаруженная разница достигает внушительных размеров, например, в д. Трусовой на душу приходилось 216 дес., в Осколковой – 256, в Нижне-Кучукской – 1 251 дес. и т. д. Получаемая разница объясняется, как несовершенством работ начала текущего столетия, так, может быть, еще более и тем, что самое определение земель, разделение их на «удобные» и «неудобные» в то время и теперь довольно разнится между собой. В [18]20-[18]30-х годах нередко заносились в разряд неудобных земли вполне пригодные для культуры, как, например, так называемые «кипчаковые² степи», дающие в настоящее время лучшие урожаи пшеницы на Алтае³.

¹ Т. е. XIX в. (Ред.)

² Кипчеватые (устар.), т. е. находящиеся на возвышенной местности. (Ред.)

³ В упомянутой д. Трусовой более 12 000 дес. удобной земли, между тем как по данным межевания – всего 409 дес. Эта разница получилась именно вследствие отношения «кипчаковых степей» в разряд неудобных.

Как бы там ни было, для нас важно отметить здесь одно, именно, что в крестьянских дачах удобных земель нередко оказывается более, нежели в них числится, согласно межевым данным [18]20-[18]30-х гг. (обратного случая мы не знаем), и что часть удобных земель была занесена в разряд неудобных, почему на все цифры, относящиеся к количеству земельных угодий, которыми пользуется алтайское крестьянство, следует смотреть лишь как на приблизительные, и притом минимальные.

Мы уже видели, как сильны колебания среднего размера землевладения по отдельным уездам округа. Колебания эти еще сильнее, если для сравнения брать не такие обширные районы, как сибирские уезды (округа), а более мелкие единицы – волости, селения. Для волостей колебания выражаются в следующих цифрах:

Уезд (округ):	Волость:	Maximum десятин на работн[ика]:	Волость:	Minimum десятин на работн[ика]:	Во сколько раз maximum превышает minimum для уезда
1. Кузнецкий	Верхотомская	112,6	Кузнецкая	43,2	2,6
2. Томский	Ояшинская	138,5	Чаусская	56,5	2,4
3. Барнаульский	Лянинская	200	Мальшевская	35,5	5,7
4. Бийский	Ново-Алейская	243,6	Локтевская	8,4	30,3

Таким образом, наибольшие колебания имеют место в Бийском округе, т. е. в том именно, где в среднем на работника приходится minimum десятин земли; напротив, наименьшие колебания в Томском, занимающем первое место по среднему количеству земли на работника. Выражаясь иначе, высота колебаний в округе обратно пропорциональна земельному довольствию на работника.

Не меньшие колебания наблюдаются и по отношению отдельных селений. Не имея возможности перечислять здесь много деревень, ограничимся несколькими примерами. Мы уже видели селение Нижне-Кучукское, имеющее по 1 251 дес. на работника; в той же Нижне-Кулундинской волости есть деревня Леньковская, в которой земли на работника приходится всего лишь по 13,9 дес., и д. Гилевка, с наделом в 18,2 дес. на работника; в Верхотомской вол. д. Черемшанская располагает 134 дес., а Кауровка – 24,1 дес. на работника. В с. Ново-Алейском, волости того же имени, на работника приходится 1 100,6 дес., а в

дер. Оловянишникова и Половинкиной (сложная община) – по 81,4 д[ес.]; в Ояшинской вол. деревни Елбанская, Верх-Елбанская и Карасева (сложная община) имеют по 2 001,5 дес., а д. Каменская – 26 на работника и т. д., и т. д. Но еще большая разница получается, если мы возьмем для сравнения общины различных волостей, например, хоть ту же Елбанско-Карасевскую сложную и д. Сибирячиху¹, Ануйской вол., которая имеет около 4,6 дес. на работника, или д. Поперечную, Риддерской вол., располагающую 3 дес. удобной земли на работника.

Неравномерность в распределении земли между селениями – явление, свойственное далеко не одному Алтаю: то же самое наблюдается, хотя, быть может, и в несколько менее резких чертах, и в других округах Сибири², где земли много, где существует или существовал недавно захват, как преобладающий способ пользования землею, где, выражаясь официальным языком, крестьянское землевладение еще «не устроено», а не устроено оно во всей Сибири. Кто приходил в страну и селился в ней ранее, когда свободных, пустующих пространств было больше, и не встречалось серьезных препятствий к занятию их, тот захватывал земель больше, захватывал столько, сколько позволяли личные силы, личная энергия. На долю позднейших пришельцев доставалось уже менее свободных пространств, а, следовательно, и размеры их землевладения должны были иметь, относительно говоря, более тесные границы. Я беру здесь, так сказать, естественный ход вещей, не осложненный внешним вмешательством в отношении населения к земле, каковым были подчинение казаков и инородцев определенному наделу, земельное устройство горнозаводских крестьян после 1861 года и проч. Все эти и некоторые другие факты, представляемые прошлым Алтая, не имели влияния на общую физиономию *крестьянского* землевладения, которое одно только мы и имеем в виду в данную минуту.

Алтайское крестьянство, за весьма немногими исключениями, было прикреплено к заводам и рудникам, отбывало обязательные работы, о тяжести которых современные поколения не имеют и понятия; было подчинено во многих отношениях руднично-заводской администрации и пр., вообще, в своих действиях оно было стеснено до чрезвычайно-

¹ В последнее время в этом селении размер землевладения изменился, благодаря произведенным прирезкам.

² Ранее я уже имел случай отметить подобное же явление в Тюкалинском округе, Тобольской губ. (Очерк форм пользования землей у крестьян Тюкалинского округа // Вост[очное] обозр[ение]. [18]87. № 15, 18, 20, 21 и 26).

сти, и это не могло не отразиться на многих сторонах народной жизни. Но распоряжаясь трудом, самой личностью крестьянина, прежний порядок почти не касался его отношений к земле, оставляя ему почти полную свободу действий в этой области. Говорим «почти», потому что вмешательство было и здесь, например, в случаях несогласий и споров соседних селений из-за земли, при переселениях и т. п., но все это носило иной характер.

Предоставленное самому себе, имея вокруг массы свободных, никем не занятых земель, фактическое распоряжение которыми было почти неограниченно, крестьянство самостоятельно выработывало и формы пользования землей. Как увидим ниже, эти формы имеют много общего с теми, которые были выработаны нашим крестьянством не только в Сибири, но и во многих местностях Европейской России, именно там, где была свобода в распоряжении землей, где были простор и приволье¹. Упомянутая выше неравномерность в распределении земель между отдельными общинами, а также сложная, волостная община наряду с захватным способом землепользования являются, как мы укажем в другом месте, характернейшими признаками самостоятельно слагающихся форм народного землевладения.

По формам землевладения Алтайский округ представляет довольно значительное разнообразие, что и понятно, если принять во внимание обширность района, с одной стороны, а с другой – состав населения, отдельные группы которого резко различаются между собой и по общему складу жизни, и, еще более, по своему историческому прошлому: оседлые инородцы, эти исконные обитатели страны, русские крестьяне, отставные мастеровые и «урочники», составляющие горнозаводское население, и, наконец, казаки – все это группы, имеющие между собой мало общего, живущие более или менее обособленной жизнью. Понятно, что и юридические права каждой из групп на землю далеко не одинаковы, и формы землепользования у них в известной степени, должны быть отличны друг от друга, должны носить некоторые характерные особенности, хотя бы уже в силу своего первоначального происхождения.

В самом деле, сравнивая земельные порядки, существующие у алтайских крестьян и, положим, у горнозаводских обывателей, мы наб-

¹ См. земские «Сборники статистических сведений» по Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Воронежской и др. губерниям, а также исследования, посвященные северу России, г[оспод] Лагоша, Щербины, Соколовского, и посвященные Сибири – г[оспод] Шапова, Колмогорова и др.

людаем разницу во всем, начиная с права на землю и кончая формами пользования отдельными угодьями. Горнозаводское население, по освобождении от обязательного труда на заводах и в рудниках в 1861 г., получило надел по уставным грамотам, которыми и определяются его права на землю: частью земель оно владеет на праве полной собственности, часть их была предоставлена в пожизненное пользование отставным мастерским и урочникам, наконец, некоторые земли до сих пор состоят в совместном, нераздельном пользовании горнозаводских селений и заводов. Ничего подобного нет по отношению к крестьянскому населению: это последнее, хотя со времени освобождения минуло уже тридцать лет, до сих пор еще «не устроено», и его право на землю определяется исключительно давностью пользования, закрепленную Законом 8 марта 1861 г.

Излишне, разумеется, говорить о влиянии, какое размер землепользования оказывает на формы общины, раз он переходит известные границы. Для рассматриваемых же групп алтайского населения разница в размерах землепользования чрезвычайно велика: средний размер крестьянского землепользования, например, в Барнаульском округе 67,8 десятины, а для горнозаводских волостей он будет выражаться в 1,5 десят[ины] на работника. Уже это одно объясняет, почему в общинах горнозаводских не имеет места так называемый захват, являющийся преобладающей формой пользования землей в крестьянских общинах. Это различие можно бы провести и дальше на способы отбывания денежных повинностей, на право выхода членов из общины и пр.

Все только что сказанное, хотя, может быть, и не в такой степени, относится и к другим общинам Алтая – казачьей и оседло-инородческой, так как каждая из них имеет свои более или менее характерные особенности, и это-то обстоятельство, т. е. разнородность общин, обязывает исследователя быть возможно осторожнее в обобщениях, обязывает рассматривать каждую из указанных общин отдельно, отнюдь не смешивая их между собою.

Предлагаемая статья имеет в виду исключительно общину бывших заводских и государственных крестьян, составляющих главную массу алтайского населения, и приводимые в ней факты не должны быть распространяемы на весь Алтай, а тем более на всю Сибирь.

Прежде, чем перейти к изучению алтайской крестьянской общины, необходимо сказать два слова по поводу терминов, которые нам

придется часто употреблять в дальнейшем изложении, а именно, «землевладение» и «землепользование». Оба эти термина, в применении к общинной жизни народа, в некоторых случаях могут порождать известное недоразумение, ибо с ними обыкновенно связывается вполне определенное представление, к сожалению, не всегда отвечающее фактическим отношениям. В самом деле, можно ли говорить о крестьянском *землевладении* на Алтае, придавая этому выражению общеупотребительный смысл, когда здесь не найдется ни одной десятины, которая действительно принадлежала бы крестьянским обществам¹, а не находилась лишь в их пользовании. Владельцем всех тех семи с половиной миллионов десятин, которыми пользуются крестьяне, является один лишь Кабинет Его Величества².

Откинувши в данном случае термин «землевладение», как не отвечающий действительности, пришлось бы волей-неволей расширить значение другого термина – «землепользование»: употреблять его то в смысле определения права общины на землю, которой она распоряжается, то в смысле внутренних распорядков общины, как, например, пользование землей на началах захвата, пользование с уравнительными разделами и т. д. Такая растяжимость и неопределенность термина крайне неудобна, так как требует в каждом данном случае точного определения того смысла, в каком это выражение употребляется. В дальнейшем изложении мы употребляем оба термина, но придаем им более тесный, условный смысл, что, по нашему мнению, устраняет могущие возникнуть недоразумения. Под *землевладением* мы будем понимать те формы, в которые отливается право на землю всей общины, взятой в целостности, независимо от вопроса, на каких условиях земля находится в распоряжении общины, независимо от характера и происхождения этого права; так, например, волостную, деревенскую, раздельную общины мы относим к формам землевладения. В противоположность этому, под *землепользованием* мы понимаем внутренние распорядки земель в общине – систему захвата и заимки, переделы и т. п.

По находящимся в нашем распоряжении материалам, формы крестьянского землевладения на Алтае имеют своими крайними выражениями, с одной стороны, сложную общину – общину-волость, а с другой – так

¹ Я не имею здесь в виду немногих отдельных крестьян, частных собственников небольших участков усадебной земли в горнозаводских селениях, доставшейся им путем купли-продажи.

² См. Св[од] Зак[онов Российской империи]. Т. VII. Уст[ав] Горн[ый].

называемую раздельную общину; среднее же место занимает община-селение. Преобладающей формой является последняя, т. е. община деревенская, что видно из следующих цифр: в 1888 г. в Алтайском округе насчитывалось до 1 194 старых крестьянских общин¹, из которых однодеревенских было 1 058 и сложных – 147. Таким образом, для всего округа сложные (составные) общины составляют 11,4% всего числа крестьянских общин. Распределение тех и других по отдельным районам Алтая, а также размеры сложных общин сгруппированы нами в следующую табличку:

Округа:	Число всех старых кр[естьянских] общин:	Число сложных общин:	%-ное отношение сложных общин ко всему количеству:	Среднее число селений в сложной общине:	Maximum селений в сложной общине:
1. Барнаульский	498	60	12	2,6	22
2. Бийский	332	13	3,6	2,3	5
3. Кузнецкий	207	49	23,6	2,7	8
4. Пять волостей Томского	157	25	15,9	3	11
Всего по Алтаю	1 194	147	11,4	2,7	22

Из этих цифр мы видим, что сложные общины встречаются повсеместно на Алтае, наибольшее же их количество падает, абсолютно, на Барнаульский, самый обширный округ, заключающий в себе 42,9% общего количества крестьянских земель, относительно же – на Кузнецкий, где сложные общины составляют 23,6% всего числа крестьянских общин; Бийский округ, как абсолютно, так и относительно, занимает последнее место, в нем сложных общин всего 12, и процент их равен 3,6. Часть Томского округа, входящая в состав Алтайского горного округа, в рассматриваемом отношении занимает среднее место между Барнаульским и Кузнецким.

Громадное большинство современных сложных общин на Алтае, а именно 99, что составит 73% всех сложных общин, принадлежит к числу мелких, состоящих из двух селений. Средний состав для всего округа – 2,7 селений, самая же крупная община – Ленинская, слагающаяся из 22 селений, находится в Барнаульском округе; в Томском наиболее крупная община состоит из 11 селений, в Кузнецком – из 8 и, наконец, в Бийском – из 5 селений.

Наряду с составной и однодеревенской общинами, как уже сказа-

¹Общины новых заселков, образуемых переселенцами, в этот счет не входят.

но, на Алтае существует и отдельная. По нашим материалам, таких общин несколько, и все они образовались путем слияния разнородных элементов – поселений крестьян и казаков, крестьян и горнозаводских обывателей или инородцев и крестьян. Это, однако, не дает нам права заключать, что на Алтае нет отдельных общин, части которых составляли бы вполне однородные элементы: Алтай слишком обширен и разнохарактерен, слишком еще мало изучен для подобных решительных выводов.

II

Возникновение только что указанных форм землевладения на Алтае находит свое объяснение в историческом прошлом края и в общих физико-географических особенностях его.

Заселение Алтайского округа, в своих главных чертах, носит тот же характер, как и заселение других местностей Сибири. Прежде всего, мы встречаемся здесь с северянами, которые селятся в местностях, лежащих в теперешнем Кузнецком и в южных волостях Томского округа; затем идет правительственная колонизация, преследующая отчасти военно-политические, отчасти промышленные цели, далее появляются, но уже много южнее (в теперешних Барнаульском и Бийском округах) вольные переселенцы – раскольники и помещичьи крестьяне, бежавшие на окраины от преследований и общего гнета; продолжают прибывать также и северяне-промышленники. В половине прошлого столетия¹ является на Алтай Демидов и переводит с Урала своих крепостных. В виду развития руднично-заводского дела усилилась надобность в принудительной правительственной колонизации, ибо разработка недр, выработка металла, а также содержание заводско-рудничного люда требовали такого количества рабочих сил, каким в то время Алтайский округ не мог обладать; потребовались заботы о развитии хлебопашества, об улучшении путей сообщения, о более действительной охране границы от набегов маньчжур и проч. Отсюда – усиленное переведение крестьян на Алтай и приписка их к заводам, ссылка раскольников, проложение трактов и образование «ямов», проведение казачьей пограничной «линии» и т. д., в чем выразились заботы правительства о развитии горной промышленности в крае. К этому следует прибавить еще постоянный приток так называемых «самовольных» переселенцев, выходцев как из

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

Европейской России, так и из других пунктов Сибири; приток, особенно усилившийся в первой половине текущего столетия¹, и с этим притоком бесплодной оказалась борьба местных правительственных агентов.

Я не буду здесь подробно излагать историю заселения Алтая, так как для целей настоящей статьи достаточно отметить общий характер колонизации.

Итак, одной из характерных черт первоначального заселения края является разнородность переселявшихся элементов: крестьяне, казаки, рабочие на заводах и рудниках. Каждая из этих групп, будучи поставлена в отличные социально-экономические условия, впоследствии выработала и отличные формы землевладения – общины крестьянскую, казачью, горнозаводскую.

Другой чертой, также имевшей известное влияние на будущие формы землевладения, являются медленность и недостаточная интенсивность колонизационного потока². Незначительное население рассеивалось группами на пространстве громаднейшей территории; при этом нужно еще иметь в виду, что часть его сосредотачивалась в рудниках и заводах, следовательно, на селения округа приходилось еще меньше. Отсюда обширность первоначальных размеров землевладения, а также возможность не дорожить землей и, следовательно, разбрасываться, т. е. еще более расширять границы землевладения.

Происходило ли заселение путем вольной или принудительной колонизации, по отношению к земле сохранялась, во всяком случае, пол-

¹ Т. е. XIX в. (Ред.)

² Вот некоторые цифры возрастания населения на Алтае:

По 3-й народной переписи в 1763 г. состояло крестьян	28 747	душ
По 4-й	« 1781	« 43 908 –»–
По 5-й	« 1798	« 62 590 –»–
По 6-й	« 1812	« 84 115 –»–
По 7-й	« 1817	« 86 955 –»–
По 8-й	« 1834	« 112 262 –»–
По 9-й	« 1850	« 137 043 –»–
По 10-й	« 1858	« 145 012 –»–

Таким образом, за 95 лет население возросло в пять раз. Если принять во внимание обширность района (по Стрельбицкому и Мейену, 1-му, в округе считается до 400 тыс. кв. в[ерст], в заселенной же его части – до 233 тыс. кв. в[ерст]), усиленную принудительную колонизацию, а также и то, что Алтай с давних пор привлекает ищущих «где лучше», то нужно признаться, что результаты столетней колонизации не особенно внушительны.

нейшая свобода: каждому в отдельности и всем вместе предоставлялось пользоваться землей в каких угодно размерах и формах. Мы говорим о времени, следовавшем за открытием заводско-рудничного производства в крае. В глазах правящих элементов, все богатство края сосредотачивалось в его недрах, а потому внимание местных правительственных агентов было обращено исключительно на этот пункт; все усилия были направлены именно сюда, на развитие заводско-рудничного дела и золотопромышленности. Понятно, что при господстве такого взгляда, земля, как предмет культуры, утрачивала почти всякую ценность, и ею весьма мало дорожили. Если на что и обращалось некоторое внимание, так это на леса, но и тут с совершенно условной точки зрения заводско-рудничного хозяйства. Таким образом, обширнейшие пространства превосходных земель округа были открыты чуть не для каждого желающего и, во всяком случае, для всех, так или иначе уже переселившихся на Алтай.

Вот при таких-то общих условиях сложились первоначальные формы крестьянского землевладения на Алтае. Всякий, селившийся здесь, находил массу свободных, пустующих земель, во-первых, и возможность завладеть и пользоваться ими, во-вторых. Понятно, что ничем не сдерживаемые, кроме чисто внешних, стихийных препятствий, да обязанности выселиться на новое место, в случае открытия на занятом участке рудных месторождений, пришельцы обращались к захвату окружающих земельных богатств в совершенно произвольных размерах: каждый заселок, в первые же несколько лет своего существования, успевал захватить такое количество земли, которого с избытком хватило бы для населения в десять раз большего. Пределы дальнейшим захватам клали или недостаток личных сил общины, или же развитие и захваты соседних общин. Отсюда та обширность крестьянских дач, какую мы видим в большинстве случаев на Алтае.

До 1773 года право крестьянских общин на занимаемую ими землю определялось, единственно, фактом первого завладения, захватом. Но 13 февраля этого года был издан указ¹ на имя иркутского и колывановоскресенского губернатора Якобия о снятии окружной межою заселенных пунктов Алтая, «чтобы видеть, где есть еще удобные места к поселению». В том же году, но несколько позже, были подчинены

¹ В Полном Собрании Законов [Российской империи] нам не удалось найти его.

шестидесятиному на душу наделу казаки Бийской линии¹. Несмотря на эти указы, лишь немногие селения были обмежеваны в прошедшем² и начале текущего столетия³; только к началу [18]20-х годов Кольвано-Воскресенское горное начальство предприняло общее измерение и описание земель округа, находящихся в пользовании крестьянских общин, что и было исполнено к 1837 году. Около этого же времени (1816-[18]23 гг.) состоялся отвод надела бийским казакам.

Несмотря на то, что конечной целью предпринятых межевых работ было ограничение крестьянского землевладения и введение его в рамки пятнадцатидесятиного надела на душу, в действительности дело свелось лишь на определение границ существующего землевладения и на приведение его в известность. На планы наносились крестьянские дачи в том именно виде, в каком заставало их межевание; границы каждой общины определялись через удостоверение «лучших людей», избравшихся обществами соседних селений. Этими работами, носившими характер предварительных исследований, в глазах крестьянской массы ее право на занятые земли получало утверждение, как бы санкционировалось правительственной властью. Нечего и говорить, что в юридическом отношении право крестьянских общин на землю осталось столь же неопределенно и шатко после «отводов» [18]20-[18]30-х годов, как и до них.

Впоследствии, во многих общинах подверглись изменению и те границы владения, какие были нанесены на планы. Под влиянием неравномерного движения населения, в различных селениях более или менее заметно изменялось и среднее количество земли, приходящееся на душу в этих общинах – в одних оно увеличивалось, в других, напротив, уменьшалось. Для устранения возникавшего таким путем неравенства землевладения производились «уравнительные по числу душ» разверстки земли между общинами, чем старые границы уничтожались, и устанавливались новые. Иногда «равнение» происходило между двумя общинами, иногда же оно охватывало более или менее значительное число селений. Приведем для иллюстрации несколько фактов этого рода.

Общество селения Сросток, Алтайской волости постановило 12 июня 1853 года приговор о производстве уравнения владения между

¹ 27 марта 1773 г. // Полн[ое] Собр[ание] Зак[онов Российской империи], № 13967.

² Т. е. XVIII в. (Ред.)

³ Т. е. XIX в. (Ред.)

своим селением и селением Енисейским, Енисейской волости. Основание этого приговора следующее: Сросткинское селение имеет отдельную дачу, в которой, по плану 1824 г., сенокосов считается 600 десятин, что во время межевания давало по 6 с лишком десятин на душу; к [18]50-м годам население возросло настолько, что размер лугового довольствия понизился до 2,9 десятин на душу; между тем в с. Енисейском при межевании приходилось на душу по 9,3 дес., а к [18]50-м годам – по 8,9. Таким образом, разница получалась очень чувствительная. При осмотре покосов в натуре, выборные от различных окольных деревень и земский управитель нашли, что справедливее произвести отрезку не от с. Енисейского, а от станицы Бехтемирской, как более многоземельной, что и было выполнено в 1855 г. В том же году, по приговору выборных от деревень Соснового Лога, Ново-Тарабинской, Погорельской, Ларионовой, Дмитро-Титовой, Петушихи, Ново-Оплеухиной, Оплеухиной и Зубоскаловой, произведена отрезка 48 десятин покоса от дачи д. Старо-Тарабинской к с. Кытмановскому. В 1847 г. от д. Поросухи, Нижне-Кулундинской вол. были отрезаны покосы в пользу крестьян д. Платовской, Кулундинской волости. В 1857 г. от д. Парфеновой отрезано 150 десятин сенокоса для д. Песчаной, Касмалинской вол. В 1856 г. произведены отрезки покосов от д. Тутальской к д. Моховой, Тутальской вол., от [д.] Шёршнихи к Гордеевой Заимке, Белоярской волости, и т. д., и т. д.

Нередко, и это заслуживает особенного внимания, в переверстках принимали участие и такие общины, которые сами ни мало не были заинтересованы в изменении границ. Так, например, в 1853 г. д. Морозова, Бердской волости, ввиду ощущаемого в ее даче недостатка хлебопахотных и сенокосных земель, возбудила вопрос о «равнении», который разрешился 16 мая 1854 г. приговором «лучших людей» различных селений волости; содержание этого приговора таково: в виду действительного недостатка угодий в даче д. Морозовой, произвести ей прирезку из дачи соседнего селения Тальменского, которому, в свою очередь, в том же количестве отрезать земель из дачи третьего, смежного с ним, селения Чернореченского, как самого богатого землей, сравнительно с другими окрестными селениями. Здесь с. Тальменское, не обладая излишком или недостатком земли, играло лишь передаточную, так сказать, роль. Благодаря его участию, в переверстке устранялась чересполосица, которая возникла бы в противном случае, так как дачи дд. Морозовой и Чернореченской не соприкасаются, между ними лежит

дача Тальменская. Таким путем в очень многих общинах границы установились совершенно новые¹.

Рядом с этим имело место и другого рода явление, приведшее к тем же результатам, т. е. к изменению прежних границ. Межевание [18]20-[18]30-х годов не могло, разумеется, внести никакого нового элемента в отношения крестьянства к земле, естественно, что и после «отводов» процесс развития общин шел своим чередом, а вместе с тем, где была необходимость и возможность, шло и расширение границ землевладения некоторых общин – захват продолжал играть ту же роль, что и прежде. Расширение границ производилось, как на счет пустолежащих, свободных земель, находившихся в междугранных пространствах, так и на счет дач соседей, где это было возможно. Такие захваты производили как однодеревенские, так и составные общины. Например, одна община, состоящая из селений Красноярского и Вавилонского, Убинской волости захватила междугранный промежуток, пригодный для хлебопашества. Впоследствии эта местность была разделена между названными деревнями при участии третейского суда. Мы не можем с точностью указать количества этого рода захватов, но оно во всяком случае очень велико, на что указывает масса земельных споров, возникающих до сих пор из-за захватов, большинство споров обязано своим происхождением именно захватам. При этом следует заметить, что таким путем захватывались не только свободные земли и земли других крестьянских же общин, но и инородческие, и наделные казачьи.

Характерным примером того, как изменились размеры и границы крестьянского землевладения со времени общего межевания, может служить Бийская волость, земли которой описаны и приведены в известность в 1822 г. Из числа 21 селения, обмежеванного в этом году, в

¹ Это стремление крестьян к равенству и переверсткам находило поддержку в действовавшем законоположении, а именно: в ст[атье] 1772, VII т. и составляющей ее дальнейшее развитие 2025 ст[атьи] VII т.; обе эти статьи предписывают горнозаводской администрации наблюдать, «чтобы земли между волостями приписных крестьян и заводскими людьми разделены были уравнительно»; другими статьями предписывается также уравнительное распределение обязательных работ и повинностей населения. На практике «наблюдение» за уравнительностью в землепользовании выражалось лишь в том, что ходатайство крестьян о переверстках не встречало противодействия, и равенство в таких случаях производилось при прямом или косвенном участии земского управителя.

настоящее время в волости состоит 17 (четыре были причислены к другим волостям). Со времени межевания до 1856 г. в пределах волости образовалось новое селение Терское, получившее отвод из свободных земель; после ревизии до 1874 г. образовалось еще три селения, которым земля не была отведена: деревни Большереченская, Усть-Гавриловка, Южакова; наконец, в 1882 г. образовались еще три деревни – Ново-Еловская, Вершинская и Сошникова, частью на свободных землях, частью на отведенных переселенцам. Таким образом, почти до настоящей минуты происходит постоянное изменение границ и распределение земель волости между старыми и новыми селениями.

Итак, во многих общинах, имеющих планы прежнего межевания, границы землевладения изменялись, и в некоторых, вероятно, не один раз, вследствие чего изменилось несколько и юридическое положение этих общин, а, следовательно, и способ защиты этого владения: в то время, как общины, сохранившие границы [18]20-х, [18]30-х годов, опираются на межевые документы – планы и полевые журналы, другие основывают свое право на полюбовных разводах, давности владения и т. п. Оба указанные явления в связи с самой неопределенностью юридических прав алтайского крестьянства на землю, послужили причиной возникновения впоследствии громадного количества земельных споров, тяжб и вообще обострения междуобщинных отношений, рискованного, при известных условиях, принять очень прискорбный характер и размеры.

Когда в 1855 г. последовало Высочайшее повеление о производстве топографической съемки Алтая, местная горнозаводская администрация вновь подняла старый вопрос о земельном устройстве крестьян, через отведение пятнадцатидесятиного на душу надела; предполагалось, одновременно со съемкой, произвести и размежевание заводских земель, занятых крестьянами и инородцами, составить на все селения новые планы и проч. Съемочная работа оказалась, однако, слишком сложной и обширной, чтобы соединять ее с таким, в свою очередь, громадным делом, как поземельное устройство всего алтайского крестьянства, и дело опять было отложено на неопределенное время, как отложены и производившиеся уже несколько лет топографические работы.

Наступил, наконец, 1861 год и освобождение приписных к заводам крестьян от обязательного труда; вместе с тем, Законом (8 марта [1861 г.]) было признано право крестьянских общин на все занимаемые ими земли, впредь до приведения в известность и размежевания земель

Алтайского горного округа, иначе говоря – впредь до окончательного поземельного упрочения крестьянского населения¹. Этим законом и в настоящий момент определяются все права старых крестьянских общин на состоящие в их распоряжении земли.

III

Под волостной, сложной общиной в настоящее время принято понимать такую, в состав которой входит более одного селения, причем совпадение или несовпадение границ такой общины с границами волости, как единицы административной, не имеет никакого значения. Как известно, такая община образуется чаще всего путем разрастания селения и выделения им хуторов, заимок, выселков, выставок и проч., в свою очередь развивающихся в более крупные пункты, продолжающие сохранять земельную связь с выделившим их селением и между собой. Такой процесс развития форм общины возможен лишь при условии большего или меньшего земельного простора, с одной стороны, и системы захвата – с другой.

На Алтае этого рода движение имело место не только до общего межевания, когда границы общин не были еще установлены, но и много времени спустя. Вот несколько примеров такого расселения, относящихся к середине текущего столетия². Несколько семей крестьян д. Панюшевой выселились верст за шесть от своей деревни, где и образовали новое селение Мало-Панюшеву; д. Бобровка, Чарышской вол. – выселок д. Нечунаевой; Ново-Колпакова – выселок д. Колпаковой, Барнаульской вол.; Ново-Моношкина – выселок [д.] Моношкиной, Чумышской волости; Боталова и Порожинская – выселки д. Хлопуновой, Чарышской вол.; Быструшинская и Зимовская – выселки Секисовой, Владимирской волости и т. д. Одним из результатов всех этих выселений было возникновение сложной (составной) общины.

Наряду с фактом расселения возможны случаи и несколько иного характера, но имеющие, в конечном результате, тоже возникновение

¹ Вот текст этого закона: «Впредь до приведения в известность и разграничения земель Алтайского горного округа, предоставить крестьянам, в оном поселенным, пользование всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодьями в тех размерах, в коих ныне угодия сии в их пользовании состоят». (Высочайший указ 8 марта 1861 г.).

² Т. е. XIX в. (Ред.)

более крупной земельной единицы – составной общины. Примером этого рода отчасти может служить только что упомянутая д. Нечунаева. 10 сентября 1865 г. состоялся приговор общества этой деревни, которым дозволялось нескольким семьям однообщественников выселиться на дальние поля нечунаевской дачи, на речку Крутишку и там образовать д. Бобровку; разрешение это дано было с тем условием, чтобы оба селения «землей пользовались обоюдно впредь до общего межевания». Но новая деревня стала пользоваться землей «в обоюде» не только с нечунаевцами, а также и с крестьянами двух других деревень, составляющих одну общину – Шипуновой и Быковой. Так возникла земельная связь между общинами, до того пользовавшимися землей совершенно независимо друг от друга, и продолжалась двадцать лет, пока не начались споры между старыми селениями и новым выселком, споры, прекращенные в конце 1884 года решением чиновника по крестьянским делам, которым утверждено пользование землей д. Бобровки в даче Шипуновой и Быковой, причем границы этого пользования не определены, вследствие чего общее пользование четырех перечисленных селений как бы получило утверждение свыше; посредствующим, связующим звеном между этими селениями является выселок, выделенный одним селением и допущенный на свои земли другими.

Есть, наконец, еще один вид образования составной общины из двух или нескольких одnodеревенских общин, именно, путем соглашения, вызванного теми или другими соображениями. Нам известен, например, следующий случай подобного соглашения на Алтае. В 1841 г. Улыбинскую общину, Легостаевской волости постиг неурожай трав, тяжело отозвавшийся на населении. Под влиянием этого факта между обществом названной деревни и соседней Мильтюшинской общиной состоялось соглашение, по которому часть мильтюшинских покосов, расположенных по речке Малой Чернодырихе, предоставлена в пользование улыбинскому обществу. Таким образом, в силу словесного соглашения, некоторые покосы перешли в распоряжение двух общин, дотоле совершенно независимых. В 1860 г. это соединение распалось¹, и каждая из общин стала пользоваться землей только в своей даче. С подобным фактом, но вы-

¹ Собственно говоря, распадение началось еще с 1843 г., когда мильтюшинцы потребовали возвращения покосов. Но тогда улыбинцы отказались исполнить их требование, и дело тянулось до 1860 г., когда был официально произведен «уравнительный по душам» раздел покосов, о чем и составлен приговор 8 сентября того же года.

раженным в еще более резкой форме, мы встретимся ниже, когда будем говорить о возвращении общин к старым формам.

Отметим здесь еще одно явление в местной общине – это слияние или, по крайней мере, возможность слияния двух однодеревенских общин в одну, но не составную, а однодеревенскую же. В Риддерской волости, Бийского округа есть небольшая лесная деревня Пихтовка, образованная в [18]60-х годах выходцами из с. Секисовского, соседней Владимирской волости. В начале урожая у пихтовцев были превосходные, но лет 8-9 назад сменились все более и более увеличивающимся недородом хлебов, вследствие чего население поставлено в крайне тяжелое положение, выход из которого пихтовцы видят в одном лишь выселении. Часть деревни уже разбрелась, остальные, потерпев неудачу в попытке образовать новый заселок, ведут переговоры с обществом соседнего с. Тарханского, Бобровской вол., о принятии всех их в тарханское общество и слитии дач обоих селений в одну общую. Тарханские крестьяне соглашаются на это с тем условием, чтобы хлопоты по перечислению и пр[оч.] пихтовцы взяли на себя. Соображения, которыми руководствуются обе стороны, следующие: в пихтовской даче громадное количество прекрасных сенокосных мест, почти полным отсутствием которых страдает тарханская дача; с другой стороны, в этой последней если и немного хлебопахотной земли, зато она превосходного качества и дает высокие урожаи. Таким образом, при переселении одна сторона выигрывает на покосах, другая – на хлебопахотной земле.

Рядом с переходом однодеревенских общин в сложные, может быть наблюдаемо и обратное явление – превращение сложной общины в однодеревенскую. В наших материалах таких общин три: Моткова–Черепанова, Умревинское поселье – Умревинский острог и Чугулинская–Кунгурова; последние две – Ояшинской, а первая – Кайлинской волости, Томского округа. При межевании каждой из трех общин был произведен «отвод» дач, которыми деревни, их составляющие, и пользовались совместно. Впоследствии, во всех этих общинах повторилось одно и то же явление: одна из деревень (поставленная у нас на втором месте) всем своим составом переселилась в другую той же общины и слилась с нею совершенно. Таким образом, одна из деревень общины исчезала, и вместе с тем уничтожалась составная община, уступая место однодеревенской. Это не будет разрушение одной формы и возникновение другой в том виде, как это бывает обыкновенно, а скорее постепенный переход одной в другую; при разрушении общины неизбежен

раздел земель и вообще установление новых земельных порядков; в данном же случае, как граница землевладения, так и внутренние порядки остаются прежними. В этом, по нашему мнению, коренное различие между двумя видами уничтожения волостной общины.

IV

Величина волостных общин находится в зависимости, как от количества свободных, могущих быть запахиваемыми и обращаемыми под выселки, земель в данном месте, так и от продолжительности периода захватов, т. е. периода свободного развития такой общины, не встречающего внешних препятствий со стороны соседних общин, помещика, вмешательства агентов государственной власти во внутренние земельные распорядки общины и т. п.

В некоторых, в очень многих, впрочем, местностях Западной Сибири эта форма народного землевладения является преобладающей¹, в других лишь недавно уступила место иным формам², наконец, есть местности, где процесс разложения волостных общин может быть наблюдаем в настоящий момент. К числу последних относятся в Тобольской губернии Курганский округ, в Томской – Алтай.

Выше мы привели цифры современных сложных общин на Алтае, но в них не включены все те случаи, когда в состав общины наряду с русскими селениями входят инородческие улусы, а таких общин в Томском и Кузнецком округах немало, а также и те случаи, когда волостное владение имеет место лишь по отношению какого-нибудь одного уголья – леса, пашни и пр. Между тем, общины последнего рода представляют особенный интерес, как обломки более древних форм местного народного землевладения, как показатели того пути, по которому шло развитие современной преобладающей формы общины – однодеревенской. К рассмотрению этого рода фактов прежде всего и обратимся.

¹ В Тарском, Тюкалинском, Ялуторовском, частью в Ишимском и Курганском округах, Тобольской губ., в Каинском, Томском и др. округах, Томской губ.

² В Тюменском округе, как видно из «Материалов к изучению экономического быта государ[ственных] крестьян и инородцев Западной Сибири», в волостном владении остались лишь леса, между тем как в прошлом столетии община-волость в этом округе была еще в полном развитии (см. В.И. Семевского «Казенные крестьяне [при Екатерине II]» // [Русская старина. 1879. Т. 24, № 1-4]).

В Карасукской волости, Барнаульского округа, как обнаружено местным исследованием 1882 г.¹, формы общинного владения могут быть разделены на следующие группы: общины однодеревенские (35), владеющие всеми угодьями, кроме леса, в пределах своих селенных границ; сложные общины (3), состоящие из двух селений каждая, владеющие всеми угодьями, опять-таки за исключением леса, «в обоюде», употребляя местное выражение, т. е. все селения, входящие в состав каждой из трех сложных общин, владеют землей совместно; наконец, все 38 общин волости – и однодеревенские, и сложные по отношению к лесу, представляют один союз: лесные площади находятся в безраздельном владении² всех жителей волости. Таким образом, три мелких сложных общины представляют собой как бы переход от более крупной организации к однодеревенской. Наличие этих трех форм, по нашему мнению, служит лучшим речательством в истинности того положения, что если не все, то большинство современных карасукских общин произошли именно путем разложения очень крупного земельного союза, от которого сохранились только остатки в виде формы владения лесом.

Карасукская волость не единственная в этом отношении на Алтае. В Бурлинской волости, того же Барнаульского округа 27 общин, из которых одна сложная, состоящая из двух селений – Кочковского и Жуланихи; каждая община имеет свою дачу, отведенную при общем межевании, и в пределах этой дачи пользуется всеми угодьями, исключая лишь пашни, которые состоят в общем владении всей волости: всякий общинник может пахать, где угодно, на пространстве всей территории волости, причем селенные границы, ревниво соблюдаемые в отношении покосов и пр., не имеют здесь никакого значения. До половины 70-х годов нашего столетия³ то же самое практиковалось и в Николаевской волости, т. е. каждый имел право производить распашки в пределах всей волости, но потом это право было сохранено лишь за участками, уже находящимися в обработке, поднимать же целину допускается только в пределах селенных границ. Мелких сложных общин в этой волости 4, из них одна – Суенгинская охватывает шесть селений. В Енисейской и Сростинской вол[остях], Бийского

¹ «Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа», Н. Ваганова [СПб., 1885].

² Во избежание всяких недоразумений и возможных двусмысленных толкований наших слов, мы еще раз просим читателя припомнить тот условный смысл термина «владение», какой мы придали ему в начале статьи.

³ Т. е. XIX в. (Ред.)

округа в волостном владении находятся рыбные ловли, за исключением 2-3 рыбалок по р. Катунь, которые состоят в наследственном пользовании нескольких семей, потративших свой труд на очистку русла. В Тутальской вол., Томского округа в волостном владении состоят кедровые рощи, где общинники собирают орех. В каждой из этих волостей есть и однодеревенские, и сложные общины: в Енисейской и Сростинской – три, каждая из двух селений, а в Тутальской – 11 или 37,9% числа всех общин волости; самые крупные две – Соснового Острога и Тарабакина, из 5 селений¹.

Есть основание предполагать, что еще в конце [18]20-х гг. вся Уксунайская волость или значительная часть ее представляла одну общину. На это указывает один общественный приговор «лучших людей» этой волости, касающийся прав д. Ерестной на земли Уксунайской вол. Д[еревня] Ерестная находилась в центре этих земель, но сама принадлежала к волости Белоярской, что не мешало ей пользоваться уксунайскими землями. Для устранения этого «лучшие люди» постановили просить, чтобы или приказали ерестнинским крестьянам пользоваться землей только в пределах своей дачи, или же, чтобы д. Ерестную причислили к Уксунайской волости (приговор от 30 сентября 1829 г.). Очевидно, по воззрениям крестьян того времени, факт принадлежности причисления к волости, давал право на все ее земли, помимо селенных границ.

Переходя к общинам, все уголья которых находятся в волостном владении, прежде всего остановимся на Лянинской волости, Барнаульского округа. Все селения этой волости, кроме присоединенных в 70-х годах текущего столетия² от Карасукской волости и Каинского округа (8 деревень), составляют одну общину, владеющую безраздельно всеми угольями, хотя 12 деревень из 22 имеют свои отдельные дачи, на которые в свое время были составлены планы, в натуре проведены границы, поставлены «столбы», вырыты «ямы» и пр.³ Следовательно, во вла-

¹ Мы именуем сложные общины по одному из входящих в состав их селений, чтобы не перечислять каждый раз всех селений.

² Т. е. XIX в. (Ред.)

³ Сведения об этой волости и ее земельных порядках относятся, главным образом, к 1882 г. и взяты из цитированного уже труда Н. Ваганова. Прибавим здесь, что 22 деревни, составляющие волостную общину, были отделены в начале [18]70-х гг., для образования Лянинской волости, от Юдинской вол., Тюкалинского округа, где до сих пор преобладает волостная форма общины, и эта форма осталась неприкосновенною и при выделении части деревень для Лянинской волости.

дении общины находится 12 дач, обмежеванных по всем правилам. Ненормальность подобного факта очевидна, и объяснение его лежит в том отношении к народу и формам его жизни, которым характеризуются дореформенные порядки не только в Алтае, но и вообще в России. Если у лучших представителей русского общества в то время мы не встречаем ни малейшего указания на важность сохранения форм народного землевладения, не встречаем даже намека на знание о существовании особенностей этих форм, то вполне естественно, что и межевые чины прошлого¹ и первой половины текущего столетия² весьма мало способны были разобраться в тех фактах, которые им представляла деревня. Понятно, что и на Алтае межевые чины в большинстве случаев ни мало не справлялись с существующими формами землевладения в каждом данном случае, и отводили земли отдельным селениям, хотя бы это прямо противоречило желаниям населения и вызывало, со стороны последнего, протесты и сопротивление. На Алтае известны факты, когда, вопреки настоятельным заявлениям крестьян об их желании продолжать владеть землей на прежних основаниях, оставаться «в обоюде», межевые чины проводили границы между отдельными селениями и, таким образом, ломали и уродовали сложившиеся формы владения землей. Именно это незнакомство с формами землевладения, неумение различать их, с одной стороны, и нежелание крестьян переходить от волостной общины к однодеревенской, с другой, и были главными причинами сопротивления и беспорядков, которыми отмечены межевые работы [18]20-[18]30-х годов.

В наших материалах имеется мирской приговор, относящийся к 1832 г. и довольно подробно иллюстрирующий только что высказанное положение. «Прежде, до 1828 г., когда земли, как нашего (Яминского, Уксунайской вол.), так и окольных селений – Еландинского, Горновского, Шелайского, Верх-Яминского и Верх-Мурашинского не были еще описаны, тогда жители оных сенокосные и хлебопахотные места имели и занимали по общему между собою согласию уравнительно, а по учинении в том 1828 г. учеником Уткиным измерения, для владения каждому селению землями определены грани и поставлены столбы». При этом любопытно, что Уткин размежевал часть покосов, лежащих ближе к с. Яминскому, в дачи деревень Верх-Яминской и Верх-Мурашинской,

¹Т. е. XVIII в. (Ред.)

²Т. е. XIX в. (Ред.)

а сенокосы, которыми удобнее было пользоваться крестьянам д. Еландинской и Горновой – в дачу с. Яминского. Эти межевые фантазии послужили причиной возникновения споров, не закончившихся еще и в наши дни.

Кроме современных остатков крупной земельной организации, имеются указания на бывшие формы землевладения и в теперешних порядках некоторых общин, порядках, могущих поставить в тупик наблюдателя, незнакомого с прошлым местной общины. Вот сложная община Ординской волости, Барнаульского округа, состоящая из деревень Пушкаревой и Средне-Алеуской. Обе эти деревни имеют одну дачу и пользуются совместно и безраздельно всеми угодьями. Но рядом с этой общиной находятся две деревни – Спирина и Нижне-Алеусская, из которых каждая имеет отдельную дачу, отведенную при общем межевании; всеми угодьями они пользуются раздельно, за исключением покосов и хлебопахотных земель, пашня находится в совместном владении, как этих, так и предыдущей общины – Средне-Алеусской с Пушкаревой. Что же касается покосов, то ими владеют следующие селения, имеющие отдельные дачи: Спирина, Нижне-Алеусская, Верх-Алеусская и Антонова. Нет никакого сомнения, что эти запутанные земельные отношения шести деревень, из которых лишь две имеют общий отвод земли, могли возникнуть только на развалинах крупного земельного союза, в состав которого входили все эти селения; современные же отношения между ними являются остатком бывших земельных форм.

В Чумышской волости, Барнаульского округа имеется несколько однопланых, т. е. сложных общин, земля которым отведена в безраздельное пользование при общем межевании. Таковы, между прочим, Инюшева с Мало-Повалихой, Филиппова с Копыловой, Ново-Глушинской с Койновой и Журавлиха с Колмаковой, из которых каждая имеет отдельную дачу с межевания двадцатых годов. Между тем, из общественного приговора д. Калиновки, постановленного в 1851 г. по поводу порчи лугов вырубкой леса, видно, что перечисленные деревни, вместе с селениями Шипуновским, Средне-Красиловским и Калиновкой составляли одну общину в отношении покосов, разрушившуюся лишь около 1831 г. через разверстку.

Любопытный в этом отношении пример представляет одна община Чингинской волости. Деревни Маюрова, Татчихина и Мышлакова имеют

общую дачу, отведенную им в 1830-[18]31 г., но земля состоит «в обоюде» не только у этих деревень, а также у деревни Ерестной, той же волости, хотя она имеет собственную дачу. Система пользования землей в общине была захватная, почему к [18]50-м годам обнаружилась неравномерность в землепользовании, и это обстоятельство вызвало выделение покосов д. Маюровой. При этом заслуживает внимания тот факт, что даже при выделении сенокосов, т. е. при начале распада общины, отношения к Ерестной остались прежними, как видно из приговора о разделе покосов¹. Следовательно, связь Мышлаковой и Татчихиной с однопланной Маюровой была менее прочна, нежели с имеющей отдельную дачу Ерестной.

Селения Курочкино и Ново-Еловское, Тальменской волости, составляя одну общину, получили покосы при межевании отдельно; а между тем, в материалах, которыми мы пользуемся при настоящей работе, имеется приговор «общего собрания» крестьян этих селений², из которого видно, что еще в 1861 г. обе деревни имели «владение землями обоюдное, без разделения межами», причем «одни (общинники) других не стесняя, не опахивали и не окашивали, и впредь такое владение желают бесспорно соблюсти». Очевидно, что покосы, разделенные при межевании, *de facto* состояли в безраздельном владении обеих деревень, еще десятки лет спустя.

Подобных примеров можно было бы привести много, и все они указывают на существование некогда более широких границ крестьянского землевладения сравнительно с теми тесными рамками, в которые его втискивало межевание [18]20-[18]30-х годов.

Как ни силен был удар, нанесенный формам крестьянского землевладения межевыми работами, тем не менее известное количество сложных общин было сохранено ими частью или полностью, т. е. по отношению владения некоторыми только угодьями или же всеми; мало того, число таких общин, сохранившихся и получивших при этом отвод земли, было довольно значительно, а именно – 191, что для всего округа составит 19%. С течением времени, под влиянием различных причин, многие из этих общин распались, образовав каждая несколько однодеревенских. Сопоставляя данные о числе сложных и однодеревенских общин, о размерах их землевладения и пр., относящиеся ко времени окончания межевых работ [18]20-[18]30-х

¹ Общественный приговор 1856 г. 27 июня.

² От 4 августа 1861 г.

годов и к прошлому десятилетию, мы получаем следующую, не безинтересную табличку¹:

Округа:	Число крестьянских общин на Алтае:		Число сложных общин:		% сложных общин к общему числу общин:		Среднее число селений в сложных общинах:		Максимум деревень в сложных общинах:		Количество удобной земли на работника в сложных общинах:	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	a	b
Барнаульский	445	498	78	60	17,5	12	2,8	2,6	22	22	67	65,8
Бийский	205	332	24	13	11,7	3,8	2,1	2,3	5	5	67	80
Кузнецкий	222	241	58	49	26,1	19,8	2,7	2,7	8	8	80,4	71,9
Пять вол[остей] Томского	133	157	31	25	23,3	15,9	3,2	3	11	11	123,7	219,1
Всего по Алтаю	1 005	1 228	191	147	19	11,9	2,9	2,7	22	22	76,8	114,5

Разложение сложных общин коснулось, следовательно, всех округов Алтая, одних более, других менее. Если брать абсолютные числа распада общин, то округа придется расположить именно в том порядке, в каком они помещены в таблице. Другое дело – числа относительные: здесь первое место займет Бийский округ, в котором число разрушившихся сложных общин достигает 45,8% из общего количества, следом за ним станет Барнаульский, давший 23,6%. Для остальных округов это отношение будет: 19,4% для Томского и 15,5% для Кузнецкого.

При сравнении этих чисел с данными о среднем размере землевладения в сложных общинах, бывших и сохранившихся, обращает на себя внимание следующий факт: в Бийском и Томском округах, взятых вместе, распалось 30% всех сложных общин, причем распадению подвергались общины, относительно малоземельные, тогда как в двух других округах, где процент разрушившихся сложных общин равняется 19,8 –

¹ В графах, обозначенных I, помещены сведения согласно планам общего межевания; в графах же под цифрой II помещены сведения, относящиеся к 1882 г., притом в счет всех крестьянских общин для полноты сравнения вошли и новые селения, образованные после межевания и не включенные нами в первую таблицу. В графе под литерой a помещены сведения о количестве земли, приходившейся в среднем на работника в 1882 году во всех общинах, бывших в момент межевания сложными; в графе же под литерой b сведения относятся к общинам, сохранившимся сложными до 1882 г.

распадались, напротив, многоземельные. В наших материалах нет достаточно данных, могущих объяснить или хоть отчасти осветить этот факт, а потому мы вынуждены ограничиться лишь констатированием его. Несомненно только одно, что на разложение общин влияли, наряду с размером землепользования, и какие-то другие, скрытые от нас, причины. Только местное, детальное изучение форм землевладения и других сторон народной жизни может, по нашему мнению, доставить необходимый материал для изучения данного явления.

Не лишен также интереса и следующий факт: ни в одном из округов самые крупные общины не подвергались разложению, и максимальные количества деревень в общине остаются одни и те же в обеих соседних графах. Между тем, средний размер сложных общин в трех округах изменился (исключение составляет Кузнецкий): в Барнаульском и Томском он уменьшился, в Бийском же увеличился. Обращаясь к данным о разрушении общин, находим, что в Барнаульском и Томском более всего разрушилось мелких общин: в первом из 18 распавшихся было 15 двудеревенских, а во втором – из 6 распалось 4 двудеревенских, в Бийском же распадались исключительно двудеревенские общины. Уменьшение среднего размера сложной общины в двух первых округах объясняется тем, что наряду с двудеревенскими в них разрушались и очень крупные. Кузнецкий округ и в этом отношении стоит особняком: всего более разрушилось здесь крупных общин 4, затем двудеревенских – 3 и трехдеревенских – 2; но в этом округе разложение касалось относительно равномерно всех групп сложных общин. По недостатку данных, нам приходится и относительно этого факта воздержаться от попытки дать удовлетворительное объяснение.

Приведенная табличка достаточно определено свидетельствует, что местная сложная община имеет тенденцию разрушаться. Эта тенденция становится еще более очевидной, если принимать во внимание не только вполне уже разложившиеся общины, но также и те, процесс распада в которых еще не вполне закончился: в то время, как одни угодья еще состоят в общем владении, другие уже подверглись обособлению путем окончательного раздела между селениями. Таких общин на Алтае, по нашим материалам, четырнадцать: 10 в Барнаульском и по две – в Бийском и Томском округах; в их состав входит 47 селений.

Если выделить из числа 14 общин две Бийского округа, о которых будет сказано ниже, то окажется, что все остальные подвергли разделу один и тот же вид земельных угодий – поемные, луговые покосы. И это

весьма характерно для Алтая: именно с этого пункта, т. е. с луговых покосов, начался переход от одной формы землепользования – захвата, к другой – переделам, как в данном случае переход от одной формы землевладения к другой – от сложной общины к однодеревенской.

На особенное значение луговых покосов в общинной жизни алтайского крестьянства, между прочим, указывает и тот факт, что из 693 земельных споров между общинами, о которых у нас имеются сведения, 184 касаются исключительно сенокосных угодий, что составит 26,5% всех споров. Как ни велик этот процент сам по себе, в действительности он еще значительнее, так как многие споры о границах землепользования имели в своем основании недоразумение из-за сенокосов; то же можно сказать и о других спорных делах, например, о спорах об угодьях вообще.

Исключительное значение луговых покосов объясняется тем, что в большинстве общин количество их, относительно говоря, невелико, почему при росте народонаселения именно в них прежде всего и ощущается недостаток. Вот почему, как целые общины, так и отдельные лица, их составляющие, особенно ревниво охраняют свое право на каждый кусочек лугового покоса, отсюда же и легкость возникновения различных столкновений и споров, разрешить которые нередко общины не могут собственными силами и переносят их в различные канцелярии, где и находят тот или иной исход. Таким исходом чаще всего является изменение, с одной стороны, форм владения, а с другой – пользования землей: развёрстываются окончательно все угодья между деревнями, входившими в состав сложной общины, новые же общины пользуются покосами уже не «вольно», как было ранее, а с периодическими переделами.

Луговые покосы, разумеется, не единственный вид угодий, стремление к обладанию которым ведет к спорам и ссорам и, наконец, к распадению земельной единицы – сложной общины. Такова, например, история распада сложной общины из деревень Красноярской и Вавилонской, Александровской вол. Помимо всех угодий, отведенных этим селениям при межевании, они захватили еще под хлебопашество местность, лежащую в междугранном пространстве. Это хлебопахотное место и послужило источником раздоров между двумя группами общинников – красноярцами и вавилонцами, на многие годы: каждая сторона стремилась захватить в свою пользу возможно больший кусок ее (не следует забывать, что захват, первое завладение – главнейший источник права на землю для местного крестьянства). В 1844 г. стороны

кое-как пришли к соглашению и составили «миролюбивую подписку», которой определялись права каждой стороны на спорный кусок пашни. Однако столкновения этим прекращены не были до 1882 г., когда «третейский по совести суд», как выражаются крестьяне, окончательно разделил землю; основанием этого раздела послужила упомянутая выше подписка. С тех пор до 1888 г. споров более не возникало. Деревни Озерская и Ельцовская, Чарышской вол. давно уже разделили между собой земли, но ельцовские крестьяне запахивали грани и рубили лес в местах, отведенных по разделу озерцовским крестьянам. В 1887 г. «третейский съезд» из выборных от деревень Трусовой и Ново-Фирсовой, Алейской вол. и дер. Бестужевой, Качусовой, Карповой и Лысовской, Чарышской волости произвел раздел всех земель общины, о чем и составил акт. В 1854 г. распалось общее владение покосами между дер. Верхне-Сузунской и Городищенской, Малышевской волости вследствие спора из-за выгона, в котором нуждались жители последней из названных деревень и т. д.

Наряду с межевыми работами и земельными спорами, как факторами разрушения сложных общин, мы решаемся поставить весьма частое несоответствие границ между общиной, как единицей земельной, и сельским обществом, как единицей административной. Чтобы видно было, до какой степени может доходить это несоответствие, приводим данные по пяти волостям округа, взятым нами совершенно без всякого выбора и сгруппированным в табличку.

Округ и волость	Количество общин:				Количество сельских обществ:			
	Всех в волости:	Однодеревенских:	Сложных:	% сложных общин:	Всех в волости:	Однодеревенских:	Сложных:	% сложных обществ:
<i>1. Барнаульский округ:</i> Малышевская вол. Чингинская вол.	12 25	11 19	1 6	8,3 24	12 18	7 9	5 9	41,6 50
<i>2. Бийский округ:</i> Смоленская вол.	11	10	1	9	12	11	1	9
<i>3. Кузнецкий округ:</i> Касьминская вол.	29	18	11	37,9	17	2	15	88,2
<i>4. Томский округ:</i> Чаусская вол.	13	6	7	53,8	13	6	7	53,8

Таким образом, в трех волостях между количеством общин и сельских обществ, простых и сложных, наблюдается полнейшее несоответствие, притом настолько резко выраженное, что не требуется никаких дальнейших пояснений. Иное дело – две остальные волости, из которых в одной встречаем полное совпадение между числами общин и обществ, а в другой эти числа очень близки друг к другу. Это совпадение и близость, при ближайшем рассмотрении, оказываются вполне случайными: сложное сельское общество в Смоленской волости состоит из с. Катунского и д. Иконниковой, т. е. двух однодеревенских общин, тогда как сложная община из с. Смоленского и д. Грязнухи входит в состав двух сельских обществ, совершенно независимых друг от друга. В Чаусской вол. из семи сложных общин только две – Воробьева-Большечеремшанская и Грязнуха-Соколова совпадают с сельскими обществами, во всех же других пяти общинах или селениях, входящих в состав общины, являются самостоятельными обществами, или же образуют таковое вместе с селениями других общин. Так, община из с. Вьюновского и дер. Кандыковой и Малочеремшанской в административном отношении распадается на общество Вьюновское, состоящее из одного села того же имени, и Кандыковское, слагающееся из двух других деревень общины и двух однодеревенских общин – Тропиной Заимки и Белоярской; община Тропина-Паутова составляет сельское общество с общиной-деревней Южной и т. д.

Причины такого явления лежат, отчасти, в стремлении крестьян сделать расход по содержанию сельского управления возможно менее чувствительными, что достигается соединением нескольких селений в одно общество, причем земельные, юридические отношения приносятся в жертву интересам чисто экономического характера; отчасти же, в неудобствах, сопряженных с хождениями из одного селения в другое на сходы, в потере времени и т. п. Результатом последнего соображения является стремление к обособлению более мелких административных единиц. Таким образом, две главные причины занимающего нас явления совершенно различны по своему характеру и влекут за собой противоположные последствия: соединение однодеревенских общин в составные общества и распадение сложных общин на более мелкие административные единицы.

Несовпадение границ общины и общества, при известных условиях, не может не отражаться на формах землевладения: в одном случае оно будет способствовать возникновению новых земельных отношений

между общинами, дотоле совершенно отдельными и независимыми; в другом – повлечет за собой распадение сложной организации на более мелкие, часто однодеревенские общины. Именно последнего рода случаи и имеют место на Алтае. Примером этого может служить одна из общин Бийского округа. Споры, повлекшие за собой раздел земель между дер. Чистюнькой и Хабазиной, Барнаульской вол., которые составляли одну общину, на два общества, возникли вследствие того, что общество последней деревни приняло значительное количество переселенцев в свою среду, почему население этой деревни в 27 душ, бывших в ней в 1828 г., т. е. в момент отвода земель, возросло к 1866 г., когда особенно обострились отношения между двумя деревнями, до 77 ревизских душ.

Распадение общины в административном отношении ведет к обособлению ее частей, деревень, не только в чисто административном, но и в податном отношении, в отношении отбывания натуральных повинностей и пр. Обособляясь, привыкая смотреть на себя, как на нечто целое и, до известной степени самостоятельное, деревня должна, по нашему мнению, постепенно обособляться и в земельном отношении противопоставлять интересы своей деревни всем другим и т. д.; все это поведет или, по крайней мере, может повести при известных условиях к возникновению земельных недоразумений и столкновений между жителями отдельных деревень общины, а затем и к формальному распадению ее: раздел земель будет последним актом задолго до того начавшегося движения. Было бы в высшей степени любопытно проследить за продолжительный период времени распадение сложных сельских общин на отдельные сельские общества наряду с распадением тех же общин на общины однодеревенские, но, к сожалению, в настоящем распоряжении для подобной работы нет достаточного количества данных.

Есть, наконец, еще одна причина, вызывающая земельные споры, как между независимыми общинами, так и внутри сложных общин между селениями, их составляющими. Мы говорим о земском губернском сборе, которым обложены земли алтайских крестьян с 1887 г., в размере 1,2 коп. на десятину. Основанием раскладки казенная палата берет данные о количестве удобных земель, находящихся в дачах общин, согласно планам прежнего межевания. Но так как за полстолетие, протекшее с того времени, размеры владения многих общин претерпели большие изменения, то сумма сбора, определяемая палатой, не всегда соответствует действительности владения, отчего происходят споры и недоразумения между соседними общинами; то же самое, но в несколь-

ко иных проявлениях, имеет место и по отношению к общинам составным. Пользуясь, как увидим ниже, землю на основаниях никем и почти ничем не стесняемого захвата, общины распределяют земли весьма неравномерно между отдельными селениями, как и между отдельными членами общины. Равное обложение земель наталкивает на мысль о необходимости уравнивания в пользовании ими, и это служит предметом раздоров и ссор, возникающих между селениями внутри составных общин. Укажем на общину Чарышской волости, о которой уже приходилось упоминать ранее. С самого начала введения нового поземельного сбора между селениями Хлопуновским, Баталовским и Порожинским возникли несогласия по поводу внутренней разверстки земского оклада, эти несогласия тянутся до сих пор и грозят закончиться распадением общины.

Резюмируя все сказанное о причинах распада сложной общины на Алтае, мы находим, что главных общих причин четыре: характер межевых работ в [18]20-[18]30-х годах, наступление недостатка в некоторых угодьях, несоответствие границ общин и сельских обществ и, наконец, основания, принимаемые казенной палатой для раскладки суммы губернского земского сбора между общинами, а может быть, и самое обложение земли, ранее неизвестное на Алтае. Каждая из этих причин имеет, разумеется, свое объяснение, но мы не будем вдаваться в подробное рассмотрение их, для нашей цели достаточно было наметить общий характер их.

В наших материалах находятся указания на те условия, при которых совершалось разложение некоторых общин, указания, так сказать, на формы этого разложения. Думается, что для уразумения хода развития форм крестьянского землевладения на Алтае, эти указания имеют особенное значение, а потому мы позволим себе несколько остановиться на них.

Выше говорилось уже о Маюровской сложной общине и о выделении ею сенокоса для одной из составляющих ее деревень, тогда как остальные угодья оставались в общем владении всех селений общины. Этот факт важен в том отношении, что он показывает известную степень крепости общинного духа у алтайских крестьян и силу его сопротивления неблагоприятным условиям: одна деревня находила для себя невыгодной наличную форму владения данным угодьем, за всеми же остальными была сохранена прежняя форма владения. Другой подобный пример представляет одна община Чарышской волости, состоящая

из пяти деревень¹. С давних пор в этой общине установился обычай переделять время от времени землю между всеми своими селениями, сообразно возрастанию населения в каждом, причем в натуре определяются границы. В виду этого, при общем межевании, хотя земля всех деревень и была нанесена на общий план, но на нем также были указаны и временные границы владения². С того времени несколько раз изменялись границы по постановлению «выборных третейских судей с участием волостного начальства», несколько раз возникали споры и тяжбы. Наконец, в 1881 г., по распоряжению Горной администрации, деревне Кособоковой был выделен особый участок всех угодий из общей дачи; все же остальные селения остались по-прежнему «в обоюде».

Из этих примеров видно, что не всегда, следовательно, на Алтае распадение сложной общины происходит путем перехода *всех* селений, составляющих общину, от одной формы владения к другой, иногда такой переход заменяется простым выделением, полным или частичным, одной из составных единиц – деревень. С другой стороны, распавшаяся сложная община также не всегда сохраняет новые формы, но иногда возвращается к старым. Так, дер. Листвянка и Татарка лет 25 назад поделили земли между собой, теперь же вновь пользуются совместно. На это же указывает и история д[д.] Чесноковской и Новообинской, Нижне-Чарышской вол. Обе эти деревни составляли некогда одну общину и имели общую дачу, на которую и был составлен в свое время план. Но потом эта община, по-видимому, распалась, земли были поделены между селениями настолько давно, что у крестьян не сохранилось об этом факте никаких воспоминаний и никаких документов. Затем, вследствие недостатка у чесноковцев хлебопахатных, а у новообинцев – сенокосных мест, между деревнями произошло соглашение, по которому новообинцы разрешили чесноковцам пользоваться пашней без всяких ограничений, а чесноковцы отвели им определенный участок сенокоса. В таком виде находится дело и в настоящее время. Следовательно, нужны были лишь подходящие условия, чтобы оставленные формы владения вновь возникли, хотя в несколько иной комбинации, более ответствующей изменившимся условиям.

¹Порозихи, Усть-Порозихи, Уржумского Поселья, Чупиной и Кособоковой.

²Таких общин, имевших внутренние границы в [18]20-[18]30-х гг., на Алтае несколько; мировыми посредниками и другими учреждениями эти временные границы были в некоторых случаях принимаемы за границы окончательного раздела, чем, естественно, разрушалась сложная организация общины, которая переходила в однодеревенскую.

Значение и смысл, какие придаются, по крайней мере, иногда алтайскими крестьянами разделу земель между селениями, составляющими одну общину, можно видеть из отношений, установившихся между дер. Крутишкой и Шайдуровой, ранее составлявших одну общину, которая распалась в конце [18]60-х годов, причем бóльшая часть земель досталась по разделу Шайдуровой, как более многолюдной. К [18]80-м годам население в Крутишке, вследствие наплыва переселенцев, возросло настолько, что в земельных угодьях почувствовался недостаток, и крутишинцы потребовали нового передела, в чем шайдуровцы отказали, ссылаясь на предыдущий раздел, когда все угодья «развытили». Однако суд стариков и лучших людей волости взглянул на дело иначе и снова переделал земли, увеличив размер владения д. Крутишки. «Грани» нового раздела обозначены условными межевыми знаками. Ясно, что крестьяне-алтайцы не всегда смотрят на раздел угодий, как на последний акт распада сложной организации, но иногда он носит временной характер пользования (употребляю термин в определенном выше смысле).

То же разнообразие замечается и в другом отношении: раздел угодий производится или самими общинниками, иногда при участии обычного суда, с формами которого мы ознакомимся ниже, или же при помощи внешнего вмешательства распоряжения административной власти, вызванного жалобами общинников, не могущих прийти к соглашению. Из 34 случаев распада сложной общины, о которых у нас имеются данные, в 18 раздел угодий был произведен самими крестьянами, в 10 – при участии административной власти, и, наконец, в 6 случаях частичное разрушение совершилось при межевых работах или, по крайней мере, было закреплено ими. Таким образом, в большинстве случаев раздел производился непосредственно самими крестьянами.

Но и в последнем случае, т. е. когда общинники по собственному побуждению и собственными средствами переходят к новой форме землевладения, не наблюдается однородности в общих условиях, при которых совершается этот переход. В одних случаях он сопровождается составлением общественных приговоров и условий, на которых состоялось распадение общины, в других – не имеют места решительно никакие формальности. Восемнадцать случаев таких распадов, о которых говорилось выше, могут быть расположены в следующем порядке: раздел произведен сходом без соблюдения каких-либо формальностей в 10 случаях, что составит 55,5%; с составлением «миролюбивых под-

песок» – в 2 случаях или 11,1%; в 3 случаях – при участии третейского суда и в 3-х же – при участии волостного и сельского начальства, что, как увидим ниже, следует также отнести к одному из видов обычного суда; таким образом, можно считать, что обычным судом произведено 33,3% разводов сложных общин.

Разнообразие форм распадаения сложных общин доказывает, по нашему мнению, разнородность причин, вызывающих движение в пользу перехода к однодеревенской общине, а также указывает на незначительность или полное отсутствие внешнего давления, которое непременно придало бы явлению более или менее шаблонный, казенный характер. Личные наши наблюдения в этом отношении только подтверждают сказанное: мы не можем указать ни одного случая вмешательства административной власти, когда оно не было бы вызвано просьбами и жалобами самих общинников, хотя и не решимся утверждать, чтобы такое вмешательство совсем не имело места на Алтае, но, во всяком случае, это будут единичные исключения.

Этими немногими чертами мы и закончим речь о разрушении сложной общины и перейдем к рассмотрению современных внутренних порядков общины.

Выше было уже говорено о существующих порядках в крупных составных общинах. Поэтому здесь повторять сказанного не будем и обратимся непосредственно к мелким составным общинам. Материалом для ознакомления с этой стороной дела нам послужат, главным образом, отзывы самих крестьян, а также мирские приговоры, составлявшиеся по разным поводам.

Община д. Чемской, Агафонихи и Дергоусовой, Кайлинской волости составили подписку 29 февраля 1884 г. в том, что они «землю пользуются и впредь желают пользоваться по-старому, без разграничения». С[ело] Кочковское и д. Муланская «пользуются всеми землями сообща, за исключением сенокосного участка, около версты длиною, который разделен между ними волостными начальниками лет 17 назад». Все пять сложных общин Тальменской волости земли между деревнями не делили никогда, и прежде, и теперь каждый общинник в пределах дачи своей общины захватывает земли, где и сколько хочет, почему в землепользовании внутри общины наблюдается чрезвычайная неравномерность. Сенокосы разделены еще во время межевания между отдельными деревнями. Д[еревни] Голубцова и Чеснокова пользуются землей «нераздельно, на местах, указанных предками», из-за земли часто бы-

вают ссоры и драки. Обе общины Чаусской вол. пользуются всеми угодьями, кроме «сенокосных поемных лугов», безраздельно. В общине Зудовой-Елизаровой все земли состоят в нераздельном пользовании; кроме того, большею частью дачами общины завладели крестьяне того же сельского общества – д. Черной, имеющей и свою отдельную дачу. В общине Николаевской вол. (с. Суенгинского и других пяти деревень) землю никогда не делили, но «в прежнее время старики разъезжали и указывали каждой деревне ее место, ныне это соблюдается только в отношении покосов, а пашнями заходят друг за друга». В Ординской волости три общины – д. Яровой с другими пятью селениями, д. Вагайцевой с с. Ординским и д. Зыряновой с другими, «всеми угодьями пользуются сообща, без всякого разграничения». Хлебопахатные земли в общине с. Малышевского с [д]д. Поротниковой и Нижне-Сузунской состоят в нераздельном пользовании всех деревень, причем каждый общинник без соблюдения каких-либо правил может захватить и запахать любое свободное место в даче; для д. Нижне-Сузунской прежде был выделен отдельный участок пашни и проведена «грань», но впоследствии эта грань как-то сама собой уничтожилась; покосы в каждой деревне отдельные. Белоглазова и Самсонова, составляющие общину Чарышской волости, пашнями пользуются совместно, никогда их не делили, несмотря на то, что на плане указаны границы участка каждой из них. В другой общине той же волости из д. Шипуновой и Быковой крестьяне «делят между собой земли полюбовно, смотря по надобности, окончательного раздела не было». И т. д.

Этих примеров вполне достаточно для общей характеристики земельных порядков современной сложной общины на Алтае. Большинство общин владеет угодьями совместно (угодий, подвергшихся окончательному разделу, в данном случае мы не имеем в виду, ибо они должны быть рассматриваемы не иначе, как выпавшими из их общих владений), без всяких ограничений. Понятно, что большее количество земель находятся в пользовании жителей каждой деревни, так как качество земель в большинстве случаев однородно в даче. Это, однако, не мешает общинникам, имеющим дальние запашки, «заходить друг за друга», т. е. не мешает чересполосному пользованию. Характер такого распоряжения общинными землями станет вполне ясным ниже, когда мы рассмотрим формы землепользования в деревенских общинах, так как именно этими формами он вполне определяется.

Есть другие общины, в которых землю, «смотря по надобности», община распределяет между своими деревнями. Есть, наконец, общины, где определенного раздела не бывает, но «старики» указывают каждой деревне место, где она может свободно распоряжаться землей.

Каждая из этих общин занимает свою ступень в развитии местных форм народного землевладения: в то время, как для общин первого рода, благодаря многоземелью, еще не возникал вопрос о необходимости так или иначе регулировать земельные отношения своих членов, а если где и возник, то эти общины решили его уничтожением данной формы владения (частичное разрушение общины), для двух последних разрядов общин жизнь уже поставила этот вопрос, и разрешение его они нашли не в уничтожении существующей формы, а в дальнейшем развитии ее, каковым и является периодический передел, «смотря по надобности», земель между деревнями общины и более патриархальная форма – указание мест «стариками». Этим общинам впоследствии и перейти гораздо легче, чем первым, от одной системы землепользования к другой (от захвата к переделам), так как самый принцип периодических переделов ими уже усвоен, между тем как для первых он является делом новым, трудным, почему необходимость перейти к новой системе землепользования может повлечь за собой переход и к новой форме землевладения, как это и было в большинстве алтайских крестьянских общин по отношению луговых покосов: необходимость подвергать их переделам вызывала разрушение сложных общин.

V

Однодеревенская община, как уже сказано, является преобладающей формой крестьянского землевладения на Алтае. Возникши путем разложения более крупного земельного союза, современная однодеревенская община характеризуется неопределенностью и спорностью границ своего землевладения. Имеющиеся у нас данные о земельных спорах, разрешить которые собственными силами общины не могли, как нельзя лучше подтверждает сказанное: за только что истекшее десятилетие было возбуждено 258 спорных дел, настолько крупных, что общинники не могли разобраться в них сами и обращались за разрешением их в различные инстанции, требуя межевых работ, указания границ и формальных разводов. Если мы примем, что каждый спор касался только двух соседних общин (в действительности, в спорах нередко

участвует несколько общин разом), то и тогда окажется, что тяжбами из-за земли в десятилетний период было затронуто более 43% всех крестьянских общин на Алтае. К этому следует еще прибавить, что до канцелярий доходят далеко и далеко не все возникающие земельные недоразумения, очень многие из них, может быть, большинство, разрешаются на месте самими общинами, посредством особого обычного суда или путем миролюбивых соглашений.

Правда, земельные споры, не исключительная принадлежность нашего времени, возникали они и прежде, особенно богаты ими пятидесятые годы, но основание и еще более – значение споров до 1861 года и после, резко различаются между собой.

Хотя крестьянство и перешло, в силу тех или иных обстоятельств, к разделу земель и к однодеревенскому владению ими, тем не менее в народе живо было сознание права на землю. Поэтому изменение время от времени границ землевладения отдельных общин, «уравнительные по числу душ» разделы земельных угодий между соседями были в большом ходу: как только более или менее резко обозначалось неравенство в распределении угодий между общинами, так тотчас же поднимался вопрос о производстве «равнения», получавший свое разрешение на месте, через выборных от общин, или же переносившийся на рассмотрение подлежащего начальства – Горного правления, которое передавало его земскому управителю. Но и в этом случае дело кончалось не иначе, как при участии выборных «лучших людей» от окольных общин, и они-то определяли, как следует поступать в данном случае: произвести прирезку или нет, от каких именно деревень и проч., так что роль земского управителя была скорее санкционирующая, чем решающая¹. Приведем для характеристики как самих споров, так и способов их разрешения в дореформенное время один-два примера.

9 марта 1854 года общество д. Гришиной, Чумышской волости постановило приговор о необходимости прирезать земли к их даче от окольных общин, более многоземельных. Мотивировка этого приговора была та, что еще в 1832 г. «при разделе земель»² их обществу «не хватило 54 десят[ины]», когда в общине было 7 дворов, имевших 25 ревизских душ, между тем как в момент составления приговора в об-

¹ Я не имею здесь в виду случаев пристрастного отношения к делу земского управителя, личной заинтересованности, злоупотребления властью и пр.

² Нам не удалось узнать, о каком «разделе» здесь идет речь. [Дер.] Гришина еще со времени общих межевых работ имеет отдельную дачу.

щине было уже пятьдесят четыре ревизских души, распределявшихся по 21 двору. Вопрос о переверстке перешел к земскому управителю, которым в 1855 г. и были собраны старшины и лучшие люди окольных деревень для осмотра в натуре угодий, как Гришинской, так и соседних Жилинской и Комаровской общин, и для производства удостоверения в необходимости сделать переверстку. Собрание состоялось 13 июля, в нем участвовали общества деревень Гришиной, Жилиной и Комаровой, старшины и «лучшие люди» от Чумышской вол., деревень: Сорокиной – 5 чел., Верх-Камышенки – 7 чел., Омутной – 15, и от Верх-Чумышской вол., деревень: Стародрочиной – 12 челов[ек] и Кокуйской – 4 человека. После осмотра, при участии Белоярского земского управителя, был постановлен приговор следующего содержания: в виду того, что дер. Гришина, действительно, имеет сенокосов недостаточно, а в соседних общинах Верх-Чумышской вол., Жилиной и Комаровой их избыток, собрание старшин и лучших людей признает необходимым произвести прирезку покосов от этих селений в пользу д. Гришиной. Прирезка произведена в следующем году.

Несколько ранее, а именно в 1852 г., возникло недоразумение в Боровлянской волости между деревнями Гжельниковой, Кинтерепской и Никоновой. В этом году между перечисленными селениями было произведено уравнение угодий самими общинниками, но общество д. Никоновой осталось недовольно и возбудило вопрос о новом переделе. Для удостоверения в действительной «уравнительности» раздела 1852 г., белоярский и чаусский земские управители собрали все три общества, спорящие о покосах, а также лучших людей окольных селений и старшин. При осмотре оказалось, что раздел был произведен неуравнительно, и Никонова имеет покосов относительно менее, чем две другие общины. В виду этого, собрание постановило произвести прирезку от д. Гусельниковой и Кинтерепской к Никоновой, хотя последняя принадлежит к другой волости – к Легостаевской.

Основание обоих этих спорных дел – стремление к уравнительности, которая достигалась изменением границ общинных владений, производством «прирезок» и «отрезок». Главную роль тут играли выборные лучшие люди заинтересованных и окольных общин, а также старшины тех же селений. При этом заслуживает внимания, что в вопросе об уравнительном переделе границы волости, как единицы административной, не имеют ровно никакого значения, и от общин, принадлежащих к одной волости, производится прирезка к общине соседней волости.

Такие переделы, производимые непосредственно самими общинами или при их ближайшем участии, не вносили ничего нового в междуобщинные отношения, во-первых, а, во-вторых, отнюдь не могли поощрять своекорыстные побуждения отдельных общин и их членов, стремления захватить в свою пользу возможно больше земли в случае захвата и т. п., сход выборных лучших людей соседних общин рассматривал дело и определял право каждой общины на занимаемые ею земли. Вот этот-то сход «лучших людей», избираемых общинами, и решающих, при участии волостных или сельских старшин, земельные споры и несогласия, мы и называем обычным земельным судом. Этот суд является лучшей охраной наличных земельных отношений. Впоследствии, а именно после 1861 г., значение этого суда было сильно поколеблено, так как явилась возможность при всяких земельных столкновениях отрицать принцип «поравнения», как противоречащий Закону 8 марта [1861 г.], и выставлять другой, совершенно противоположный, принцип давности владения. Таким образом, переместился самый центр тяжести споров, а вместе с тем явилась фактическая возможность обходить обычай, невыгодный в данном случае для отдельной общины, и лишить соседа куска земли, которым он пользуется неправильно с точки зрения писанного закона, точнее выражаясь, его истолкователей, но вполне правильно с точки зрения местного обычая. Эта печальная возможность и послужила причиной возникновения массы споров, имеющих в большинстве случаев одно и то же основание – стремление присвоить себе то, что в сущности принадлежит соседу.

С течением времени, под впечатлением примеров удачного восстановления границ [18]20-х годов, низменные инстинкты в массе все более разгорались и вызвали в конце концов ту земельную неурядицу, которая существует в настоящее время на Алтае, и прекратить которую вряд ли удастся иначе, как через новое общее межевание и подчинение населения определенному земельному наделу.

Обычный земельный суд еще и теперь, правда, в несколько иных формах, занимает видное место в междуобщинных отношениях на Алтае и применяется почти во всех волостях округа, хотя и уступает все более и более место другим способам разрешения земельных вопросов, именно, разрешению при участии местной администрации. Формы обычного суда, а также условия, вызывающие его падение, заслуживают более близкого рассмотрения.

В Барнаульском округе, в Бердской волости обычный суд состоит из стариков, избираемых от окольных с тяжущимися общин, и волостного старшины. Прежде чем решать дело, «старики» выслушивают показания, как тяжущихся сторон, так и понятых от соседних селений и производят осмотры земель в натуре. При разрешении возникающих недоразумений суд руководствуется еще и теперь¹ принципом «поравнения» и потому производит отрезки земли от общин, где население убыло, к тем, где оно возросло. Такое изменение границ на планах, разумеется, не отмечается, хотя это не мешает проведению в натуре своих частных «граней», обязательных для соседних общин. В своих решениях суд «стариков» пользуется правами третейского суда; под этим именем, а также под названием «третейского съезда» он и известен у крестьян. Подобная же организация суда стариков существует и в других волостях того же округа, но в Белоярской, Карасукской, Ординской и некоторых других волостях при решении споров принимается во внимание не неравенство владения, а давность, для определения которой суд опрашивает «сторонницу» (соседей) и пр. Что касается планов, то им чаще всего не придается никакого значения. Так, например, в Ординской волости крестьяне признают их не отвечающими действительности и говорят, что если при спорах основываться на них, то будет лишь «одно бунтовство»; в Чумышской вол. – «что от этих планов, кроме смуты и убытков, миру ничего нет» и т. д. Совсем иное наблюдается в Чингинской волости. Здесь некоторые общины, узнав, что по планам в их дачах числятся земли, фактически находящиеся в распоряжении других общин, не хотят подчиняться решению третейского суда и требуют признания границ, указанных на планах, противная сторона отрицает правильность подобной постановки вопроса, отсюда нескончаемые пререкания между общинами.

В Кузнецком округе, в Бачатской, Ильинской и др. волостях суд составляется из особых, выбранных общинами, пожилых крестьян, решения его «по совести» и безапелляционны. Нарушенное владение восстанавливается после местного осмотра и выслушания показаний соседей. Судом охраняются селенные грани, в натуре хорошо известные крестьянам и ревниво оберегаемые ими. В Верхотомской и иных волостях, напротив, если обычный суд еще и функционирует, то далеко не в такой степени; здесь население все чаще и чаще ищет разрешения своих земельных недоразумений на стороне, в различных канцеляриях.

¹ Наши сведения относятся к восьмидесятым годам. (XIX в. – *Ред.*)

В Томском округе мы находим ту же организацию третейского суда, что и в двух предыдущих. Как на примере известного нам отступления, можно указать на Кайлинскую волость, где земельные споры решаются волостным старшиной после опроса стариков и соседей и указания ими старинных меж.

Наибольшим изменениям обычный суд подвергся в Бийском округе, что вполне понятно, так как именно здесь прежде всего почувствовалась известная степень «утеснения», а, следовательно, и столкновения из-за земли должны были возникать чаще и принимать более острый характер. Так, например, в Алейской, Ануйской волостях споры разрешаются не тем судом, который мы видели в Кузнецком и других округах, а обыкновенным волостным, решения которого на общем основании подлежат обжалованию в крестьянских учреждениях. В Алтайской волости, после известного распоряжения генерал-губернатора Хрущева о том, чтобы при разбирательствах возникающих споров руководствоваться планами прежней съемки, возникли между общинами споры, разобраться в которых третейский суд уже не мог, чем и было ослаблено его значение. Организация обычного суда в Барнаульской волости несколько отличается от той, что мы видели выше: место суда стариков занимает обыкновенный третейский суд, состоящий так: каждая из спорящих общин избирает трех пожилых крестьян представителями своих интересов, кроме того, выбираются еще три «старика» от окольных, не заинтересованных в споре общин, и непременно участником суда является волостной старшина или его кандидат. В других волостях падение обычного суда выражается еще резче. Например, в Чарышской волости до недавнего времени все пограничные дела разрешались крестьянами полюбовно, без обращения к волостному суду или крестьянскому чиновнику, но потом, с легкой руки Черновской общины, начали «судиться», т. е. не довольствуясь своими обычаями, искать восстановления нарушенного права владения в учреждениях по крестьянским делам; то же нужно сказать и о Сростинской волости. В Бухтарминской волости существовал обычный суд, но с 1879 г., когда туда был командирован межевщик для разрешения спора между крестьянами и казаками Бухтарминской станицы, крестьяне перестали подчиняться суду стариков, требуя восстановления границ, и теперь даже общины, границы которых еще недавно установлены путем «миролюбивого соглашения» с соседями, начинают тягаться из-за земли, требовать присылки межевщика и пр. Такова, например, д. Мякотиха, границы которой с сосед-

ними общинами Кондратьевой и Тургусунской точно определены под-писками, но которая тем не менее хлопочет о восстановлении прежних «граней». То же самое и в Чарышской вол., где обычный суд существует только по имени. В Риддерской волости этого суда нет, и дела о спорах разбираются учреждениями по крестьянским делам. И т. д. и т. д.¹

Изменяясь по самому характеру своему, ставя на место принципа «поравнения», образчик которого можно видеть еще и теперь в Бердской волости, совершенно новый принцип охранения прежних граней, обычный суд все более и более теряет кредит в глазах крестьянской массы, уступая место другим способам разрешения земельных вопросов. По мере отречения от начал «поравнения», по мере падения обычного суда, однодеревенская община более и более теряет связь с прошлыми формами волостной организации, одним из живых памятников которой является этот «третейский по совести суд», как выражаются крестьяне, все более и более обособляется. Распоряжение генерал-губернатора Хрущева о том, чтобы мировые посредники, при возникающих между селениями земельных спорах, руководствовались не границами фактического владения, а исключительно данными общего межевания, распоряжение это является лишь внешним, хотя и очень чувствительным толчком, только ускоряющим задолго до него начавшееся движение, т. е. разложение одних и образование других форм общины. Чем скорее закончится это движение, чем скорее общины придут к соглашению о границах владения, тем лучше, так как тем скорее наступит дальнейшее спокойное развитие форм народной жизни.

Нам остается сказать несколько слов о отдельных общинах, о которых упоминалось выше.

Деревня Новоалейская существовала задолго до открытия в 1782 г. Локтевского сереброплавильного завода. Завод был устроен почти в самой деревне, не имевшей отвода земли, которой крестьяне пользовались вольно, как и во всех других общинах того времени. Около завода начали обстраиваться служащие на нем мастеровые, рабочие и прочий люд. Так возникло горнозаводское население рядом с крестьянским. Усадьбы их сходились вместе, так что оба селения как бы сливались в одно целое. В 20-х гг. текущего столетия², когда производились

¹ Большинство сведений об обычном суде взяты из цитированного выше труда Н. Ваганова и из ответов сельских старост на вопросы, разосланные в 1887 г. Главным управлением Алтайского округа.

² Т. е. XIX в. (Ред.)

общие межевые работы на Алтае, все земли, прилегающие к заводу и д. Новоалейской, и находившиеся в беспрепятственном совместном пользовании крестьян и горнозаводских рабочих, были размежеваны в одну заводскую дачу, с правом для новоалейских крестьян общего пользования. Таким образом, и после размежевания крестьяне и горнозаводские рабочие продолжали пользоваться землей совместно и нераздельно до 1861 г., когда горнозаводское население было освобождено от обязательных работ, а вместе с тем определялось точно и его право на землю. С этого момента начинается обособление в земельном отношении двух частей одного и того же селения, частей, носящих разные названия – д. Новоалейской и селения Локтевского, и образование двух общин – крестьянской и горнозаводской.

Согласно Положению 8 марта 1861 г., горнозаводским людям из заводской дачи выделено и предоставлено по уставной грамоте, частью в пользование, частью в собственность 1 651 десят[ина] земли. Вся остальная земля до сих пор остается в нераздельном пользовании заводоуправления и новоалейских крестьян, за исключением 624 дес. сенокоса, которые в 1863 г. были вырезаны из общей дачи новоалейским крестьянам. Хлебопахотными землями крестьяне пользуются по всей заводской даче, как прежде вместе с ними пользовались и горнозаводские рабочие, причем определить точно количество земли, занимаемой новоалейской общиной, не представляется решительно никакой возможности.

К этому следует прибавить, что, если когда-то и могла быть приблизительно определена линия, разграничивавшая два селения, то потом эта возможность утратилась, ибо и в том, и в другом усадьбы захватывались вольно, как в д. Новоалейской захватываются и теперь, вследствие чего получилась чересполосность усадебных мест. После земельного «устройства» горнозаводского населения и отведения усадеб в собственность каждого домохозяина, многие усадьбы путем купли-продажи перешли в руки новоалейских крестьян, чем еще более увеличилась чересполосность. Вообще, д. Новоалейская и с. Локтевское составляют одно селение, некогда бывшее и одной земельной общиной, но впоследствии распавшееся на две совершенно самостоятельные в земельном отношении единицы, такие же самостоятельные единицы представляют они и в административном отношении: каждое из них составляет отдельное общество, и даже принадлежат они к различным волостям.

Совсем иное происхождение Калтайской раздельной общины, Ояшинской волости. Почти на самой границе (северной) Алтайского округа, на землях, принадлежащих инородцам Калтайских юрт, с их согласия, поселились русские крестьяне, образовавшие селение Калтайское, вблизи самих юрт. Как юрты, так и селение пользовались всеми землями совместно. С течением времени они слились в одно поселение, благодаря постепенному расширению границ усадеб, как деревни, так и юрт, вследствие возрастания населения; но часть населения выселилась из деревни и образовала в общей даче еще две русских деревни: Кондинскую и Смокотину, которые также пользовались землей «в обоюде» с инородцами и калтайскими крестьянами. В таком виде рассматриваемую общину застало межевание и общая дача всех этих селений была нанесена на один план. Несколько десятилетий эти три селения пользовались совместно, но потом между инородцами и крестьянами д. Калтайской пошли несогласия, закончившиеся выделом из общей дачи всех угодий инородцам, русские же селения остались по-прежнему в «обоюде». При этом разделе подверглись не только пашни, сенокосы и выгон, но и усадебные земли; границей принята улица, по одну сторону которой лежат инородческие усадебные места, по другую – крестьянские. В таком виде земельные отношения сохранились и до сих пор; одно селение Калтайское, образовавшееся через естественное разрастание и слитие двух поселений, которые ранее пользовались землей совместно, представляет из себя две общины – однодеревенскую инородческую и часть сложной крестьянской.

Подобное же происхождение имеет русско-инородческое селение Константиновское, Тутальской волости Томского округа: инородцы и крестьяне этого селения, образовавшегося через слитие юрт Константиновых и деревни того же имени, всеми землями в настоящее время пользуются раздельно, за исключением усадебных, которые формально разграничены не были. Любопытно, что и здесь русская часть селения входит в состав сложной общины из восьми деревень, к этой же общине принадлежали прежде и инородцы, на землях которых возникли эти русские поселения еще в прошлом столетии¹.

Имея с Локтевско-Новоалейской раздельной общиной сходство в том отношении, что слияние происходило между разнородными элементами, две последние общины сохраняют и отличительные черты: отсутствие вмешательства внешней силы, приведшей к слитию двух по-

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

селений, и, так сказать, естественный ход развития земельных отношений, дающий в результате форму, известную под названием раздельной общины.

К числу этого же рода раздельных общин можно отнести крестьянско-казачьи общины по так называемой Бийской линии, где крестьяне приселялись к казачьим форпостам, с которыми их деревни постепенно сливались в одно селение. Подчинение казаков шестидесятиному наделу, согласно Закону 1773 г., обособило их землевладение и дало в результате раздельную общину. Таковы с. Верх-Убинское (Лосиха то ж), Секисовка и пр. Те же условия создали и еще одну из оригинальных форм общины, занимающей как бы среднее положение между составной и раздельной общиной, образцом этой формы может служить с. Бобровское, Бийской волости. Но на всех подобных фактах мы не будем останавливаться подробно, потому что нам придется еще к ним вернуться в другом месте, при рассмотрении форм казачьей общины на Алтае.

До сих пор мы имели дело с раздельными общинами, хотя и образовавшимися через слияние двух селений, но еще сохранившими следы своего происхождения: составляя одно селение, части каждого из них еще сохранили свое прежнее название: д. Новоалейской, юрт Калтайских и пр. В Солтонской русско-инородческой раздельной общине мы не видим уже и этих внешних признаков происхождения, все поселение носит одно и то же имя. Таким образом, здесь не остается ничего, за что могли бы ухватиться противники мнения о существовании на Алтае раздельной общины, ибо уже и чисто внешние признаки слития двух селений, если таковое когда-либо и имело место, стерты временем. Эта община, как и другие, получили свою форму через раздел угодий, бывший в 1856 г., когда инородцы и крестьяне селения, «имея в[о] владении своем общую дачу по отведенным в 1832 г. границам с постановлением межевых знаков, с ее пахотною землею, санными покосами, лесными и прочими угодьями, поговоря между собой полюбовно, впредь к спокойному и бесспорному владению... развелись полюбовно»¹. Основания, на которых установились последующие земельные отношения, заключаются в трех пунктах: а) водопой и селение остаются по-прежнему в совместном владении, но новые усадьбы должны отводиться для крестьян и инородцев в различных местах: для первых по р. Солтону, для вторых – по р. Шиландайке; б) выгон также оставлен в совместном пользовании, но определенно точно, где и какую часть изгороди

¹ «Полюбовная сказка», 1856 г. 31 июля.

должны исправлять инородцы и русские крестьяне. «Буде же найдено впоследствии необходимым, – говорится в «сказке», – то разгородить оную (поскотину) на две половины»; в) «пашные земли, покосы, лесные дачи и прочие угодья» разделены между обеими группами населения, причем границы владения обозначены межами и другими условными знаками. Эти земельные отношения существуют и теперь. В административном отношении каждая из обособившихся групп представляет отдельное общество, имеет своих старост и причислена не только к различным волостям, но и округам: крестьянское сельское общество входит в состав Енисейской вол., Бийского округа, а инородческое – Уксунайской вол., Кузнецкого округа. Р[ека] Солтон, разделяющая эти округа, в то же время служит границею между земельными угодьями крестьян и инородцев Солтонской общины. Ко всему сказанному надо еще прибавить, что «инородцы» настолько утратили черты своего национального характера, что в настоящее время уже ничем не отличаются от русских крестьян, только сохранившееся название, да связанные с ним особенности юридического положения группы напоминают о ее происхождении и отличии от другой группы.

С. Швецов,
член-корреспондент Московского Юридического общества

Швецов С.П. Формы общинного владения на Алтае // Сборник правоведения и общественных знаний: труды юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1893-1898. Т. 2. 1893. С. 145-191.